

Манасейна Наталия Ивановна

**Марфинькины святки и другие
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
НЗЗ

НЗЗ **Наталья Ивановна М.**
Марфинькины святки и другие рассказы / Манаскина Наталья Ивановна — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 86 с.

ISBN 978-5-519-95288-0

ISBN 978-5-519-95288-0

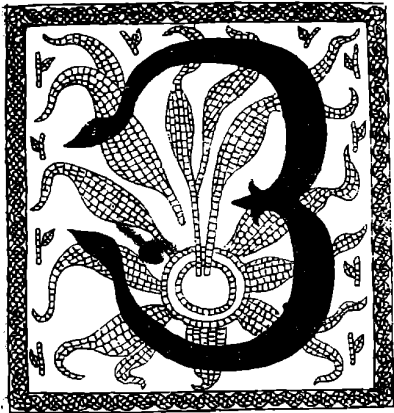
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Марѣинькины Святки.

АНЕВѢСТИЛАСЬ Марѣинька, а дома ее все за дитѣ малое считаютъ. Филипповки кончаются, Святки-дѣвичье веселье—подходятъ, а никто о томъ и не думаетъ, чѣмъ бы Марѣиньку утѣшить да повеселить.

. Живутъ Тугарины въ своей вотчинѣ. Съ той поры, какъ бояринъ вдругъ занедужилъ въ Москвѣ, уѣхалъ онъ съ семьею къ себѣ въ вотчину на поправку, да тамъ и остался.

До Москвы отъ нихъ и ста верстъ не будетъ. Охота придеть въ городъ побывать,—садись въ сани и къ вечеру уже въ Бѣлокаменной. А только Тугарины въ Москву не ѣздятъ. Облѣнились. Въ деревнѣ житье тихое да привольное, никуда ихъ изъ обжитого угла и не тянетъ. А тутъ еще и дочку на старости лѣтъ послалъ имъ Господь. Съ Марѣинькой они и совсѣмъ Москву позабыли.

И Марѣинькѣ въ деревнѣ приволье. Лѣтомъ одна заря въ садъ густой съ ягодами разными ее уводила, другая заря въ домъ приводила, а зимой ей и въ хоромѣхъ не тѣсно было. Бѣгала Марѣинька по всѣмъ горницамъ, свѣтлицамъ, сѣнямъ, ходамъ и переходамъ, въ куклы, изъ тряпокъ верченныя, иг-

рала, нянины сказки да пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ вечерами слушала.

Такъ Марейнька дитѣй малымъ въ родительскомъ домѣ жила, а какъ выросла, стали ее къ рукодѣльямъ приучать. Въ свѣтлицѣ пальцы поставили. Стала Марейнька и золотомъ и серебромъ шить, стала золотые репы по шелкамъ цвѣтнымъ выводить, цвѣтики да листочки всякіе. Марейнька вышивала, матушка въ короба убирала. Такъ и жили.

А какъ Филипповскій постъ подошелъ, засѣла Марейнька жемчугъ низать.

Сидитъ Марейнька въ своей свѣтлицѣ, наново жемчужныя головныя повязки и нарукавники перенизываетъ. Еще бабушка Марейнькина, а потомъ и матушка ея рѣдная въ этихъ уборахъ красовались. Бабушка печенымъ яблочкомъ стала, матушка до того въ ширь пошла, что и не разобрать, какая она съ молоду была, а уборы вѣковѣчныя, какими были, такими и остались. Жемчугъ только перенизывать надо. Въ кокошникѣ бархата алаго кое-гдѣ узоръ подтянуть. Шейный платокъ заново золотой нитью окаймить.

Всѣ Филипповки просидѣла за работой Марейнька. Зима снѣжная выдалась, снѣгомъ такъ завалило, что отъ высокаго забора вокругъ хоромъ и слѣда нѣтъ. Вечера темныя, длинныя. Порой метелица снѣжными комьями въ слюдяныя окошки такъ и швыряетъ, садъ возлѣ дома, словно боръ, расшумится. А у Марейньки, въ ея свѣтлицѣ дѣвичьей, тишина.

Въ одномъ углу кровать точеная, позолоченая съ пологомъ цвѣтнымъ, а въ другомъ—печь изразчатая.

Для дочки единственной, подѣ старость у Бога выпрошенной, отцу съ матерью какъ есть ничего не жаль. Изразчатую печь такъ нагопили, что Марейнькѣ и въ лѣтникѣ изъ лазоревой тафты жарко. Нянюшка, и та тѣлогрѣю скинула. Ужъ

на что старая тепло любить, а и она отъ печки сторонится. Сѣла на скамеечку возлѣ постели, глазъ не спускаетъ съ боярышни.

Ужъ больно хороша Марѣинька!

— Ужъ не занедужила ли, боярышня?

Какъ взглянешь—сразу видно; что въ домѣ довольномъ, на пирогахъ, на блинахъ, да на всякой снѣди домашней, боярышня выращена. Лицо круглое, бѣлое да румяное, брови темныя, коса русая до пояса. А ужъ рукодѣльница, да тамбурница! Такой поискать, такъ не сыщешь.

А только послѣдніе дни стала примѣчать нянюшка, что съ Марейинькой что-то неладное творится. Вотъ и сейчасъ. Не та, что была Марейинька. Совсѣмъ другая стала.

Только собралась нянюшка Марейиньку допросить, а боярышня въ эту минуту самую пяльцы отъ себя въ сторону двинула.

— Неохота мнѣ больше шить, нянюшка.

— Ахти мнѣ, ужъ не занедужила ли, боярышня?

Всполошилась няня старая. Къ Марейинькѣ подбѣжала. Старыми руками щупаетъ, не горяча ли голова у боярышни.

— Нѣтъ, голова какъ ей быть надобно, а малинки на ночь испить всегда хорошо.

— Здорова я, нянюшка,—говорить Марейинька.

— Здорова! А невеселая отчего? Ужъ не сглазилъ ли кто тебя, упаси Господи. Вотъ, погоди, съ уголька спрысну.

Боярышня только головой качаетъ.

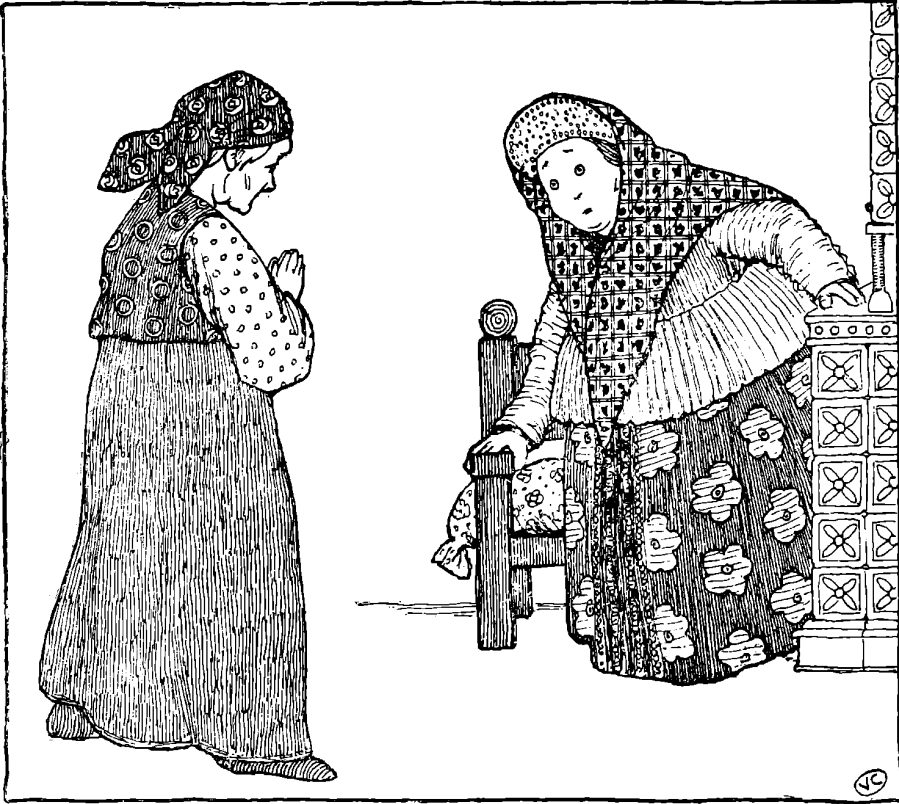
— Малиновыхъ левашей не принесть ли, Марейинька? А то кваску испить, либо брусничной водицы? Орѣшковъ не погрызешь ли? Пряничковъ медовыхъ не хочешь ли?

Марейинька только на все головой качаетъ.—Не хочу,—значить. И вдругъ уронила голову на бѣлыя руки.

— Скучно мнѣ, нянюшка, стало. Такъ скучно, что и моченьки моей нѣтъ. Не хочу я больше на жемчугъ глядѣть. И вѣнцовъ и нарукавниковъ всякихъ у меня много, отъ уборовъ дѣвичьихъ коробья ломаются, а нарядиться мнѣ некуда. Сама же ты сказывала, какъ на Святкахъ дѣвушки красныя съ подружками веселятся, а у меня... Нѣтъ у меня подружекъ, не съ кѣмъ мнѣ и погадать, и воскъ и олово потопить не съ кѣмъ, нарядовъ дѣвичьихъ показать некому.

И отъ горя своего великаго слезами, какъ рѣкой, разлилась боярышня.

А у нянюшки сразу отъ сердца отлегло. Нѣжить, голубить старая свою „хоженую“.

— Ахти мѣ! Ужъ не пожаръ ли, Ивановна?

— Не убивайся, боярышня, дай срокъ. Няня старая все уладить.

Сказала, душегрѣйку накиннула и покатила въ свѣтлицы.

А матушка Марѣинкина тѣмъ временемъ со стряпухой

совѣтъ держала, какой снѣдью постъ кончать, да что на разговѣнне на столъ подавать. Безъ лебедя, да безъ порося, да безъ гусей шестныхъ, безъ зайца разсолнаго и сковородного, безъ ветчины, безъ куръ верченыхъ ужъ никакъ нельзя. А тамъ еще и овощное, и фруктовое, и сласти всякія. Обо всемъ сразу въ одинъ день и не вспомнишь. Совѣтъ держать хозяйка со стряпухой.

И вдругъ нянюшка со всѣхъ ногъ въ горницу вбѣжала, запыхалась, духа не переведеть.

— Ахти мнѣ! Ужъ не пожаръ ли, Ивановна?

Боярыня даже съ лавки вскочила, а стряпуха прямо къ дверямъ бросилась.

Нянюшка только головой мотааетъ:—Нѣтъ, не пожаръ. А вотъ у насъ Марѣинька...

— Марѣинька!—не своимъ голосомъ закричала боярыня.

— Занедужила! Что, что случилось?

— Слава тебѣ Господи, въ полномъ здоровьѣ наша Марѣинька, а только мнѣ съ тобой, боярыня Анна Карповна, съ глазу на глазъ малость поговорить надобно.

— Иди себѣ, Авдотьюшка,—отпустила боярыня стряпуху.— Напугала ты меня, Ивановна, охъ, какъ напугала. Думала я, съ Марѣинькой что приключилось.

— И приключилось, боярыня, приключилось...

— Не томи ты меня, Ивановна, сразу говори. Видишь сама, ни жива, ни мертва я.

— Скука напала на нашу боярышню. Заскучала наша Марѣя Филимоновна, плачетъ, въ три ручья разливается.

Анна Карповна руками всплеснула.

— Ужъ мы ли ее не бережемъ, не холимъ. Ни въ чемъ отказа не видитъ она въ домѣ родительскомъ. Откуда и скукъ бы взяться, Ивановна?

Сѣла нянюшка рядомъ съ Анной Карповной и все дѣло, какъ оно есть, ей дочиста объяснила.

Проглядѣли онѣ, старыя, что Марейинька изъ дитяти малого невѣстой стала. Никому въ голову не пришло подумать, чѣмъ бы на Святкахъ потѣшить красную дѣвушку. Все у нихъ, какъ всегда, все, какъ и прежде было. И гуси, и лебеди, и тетерева, и куры. А развѣ дѣвушкѣ того надо?

Анна Карповна и всегда сметлива не была, а тутъ отъ переполоха совѣтъ сообразить ничего не можетъ. Смотритъ на Ивановну, рѣсницами моргаетъ...

— Не въ домѣкъ мнѣ, чего ей надобно, Ивановна.

— Въ Москву надо на праздникъ везти Марейиньку. Сказала нянюшка, какъ припечатала.

— Въ Москву? Да, вѣдь, праздникъ то ужъ на дворѣ? Да и какъ поспѣть, какъ собраться, да и ѣхать то куда, да къ кому?

— Ничего я про то не знаю, Анна Карповна. Сказала я тебѣ про Марейиньку, а ужъ это дѣло ваше хозяйское рѣшить, какъ тутъ быть.

Нянюшка руки на колѣняхъ сложила, губы поджала и глаза въ потолокъ уставила. Значитъ, мое дѣло сторона.

— Думается мнѣ, Ивановна, еще зиму съ Марейинькой погодить,—подвинулась къ ней боярыня.—На тѣ Святки и повеземъ. Приготовимся, загодя соберемся.

— Погодить можно, а только какъ-бы чего не вышло. Отъ скуки до недуга и вся недолга. Марейинька и такъ что-то съ лица спала, румянецъ не тотъ, кушаетъ не попрежнему. Ужъ на что блины съ маковой кашей любила, а и тѣхъ нонѣ съ пяточекъ отвѣдала и больше, ни-ни.

Вздыхаетъ боярыня, сокрушается, а ничего не подѣлаешь. Такъ выходить, что надобно Марейиньку въ Москву везти.

— Иди себѣ, нянюшка, къ Марейникѣ, а я къ Филимону Спиридоновичу пройду.

— Пройди, пройди, матушка. Дѣло такое, что съ нимъ совѣтъ да совѣтъ нуженъ.

Пошла нянюшка. Въ дверяхъ остановилась и говорить:

— Опять же нонѣ пироги съ горохомъ подали, а она, горюша-горькая, закусила одинъ и полно.

Горошкомъ покатила Анна Карповна къ мужу.

У Филимона Спиридоновича глаза чуть на лобъ не выкатились, какъ услышалъ онъ, что, не медля ни минуты, надобно въ Москву собираться, чтобы къ праздникамъ поспѣть.

— Да зачѣмъ, да почему? И что за спѣшка такая?

Толкуетъ старику Анна Карповна про скуку Марейникину, а тотъ ничего, какъ есть, понять не хочетъ.

— И что за скука такая? Все есть, всего много. Скучать, кажись бы, и не съ чего. Да и виданное ли дѣло, чтобы отъ скуки сотню верстъ по морозу тащиться, да изъ своего теплаго угла по чужимъ домамъ въ праздникъ мыкаться! Не бывать этому!

Даже кулакомъ по столу бояринъ пристукинулъ, а только Анна Карповна и этого не испугалась.

Помолчала малость, съ силами пособралась, а потомъ опять за свое:

— И Марейника скучаетъ, и Марейника совсѣмъ ѣсть перестала, и Марейника ночи не спитъ... Спаси Господи, вдругъ да захвораетъ Марейника, а вдругъ да помретъ...

Сказала Анна Карповна слово страшное и сама, такъ его напугалась, что ревмя-разревѣлась боярыня. Филимонъ Спиридоновичъ ужъ не зналъ, какъ и уговорить ее. Уговаривалъ, уговаривалъ — ничего не помогаетъ. Разливается Анна Карповна! А самого боярина ужъ раздумье взяло:

а что, какъ и вправду, да захвораетъ у нихъ Марѳинька. Вѣдь, она у него дочка единственная. Можетъ, съ красными дѣвушками такъ оно и бываетъ: скучаютъ, скучаютъ, а тамъ, глядишь, и готово—занедужили.

А Анна Карповна все ширинку отъ глазъ не отнимаетъ.

— Везите меня, куда хотите! Въ Москву, такъ въ Москву. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ, Анна Карповна.

Анна Карповна только того и дожидалась. Мигомъ плакать перестала, веселая сдѣлалась. И стали они съ мужемъ совѣтъ держать, какъ ѣхать, когда и къ кому. Рѣшили перво-на-перво ближняго человѣка изъ дворовыхъ къ куму Филимона Спиридоновича, боярину Лопатѣ, спосылать. Пускай дознается, хочетъ ли бояринъ принять ихъ на праздникъ всей семьей.

Нянюшка Марѳинькѣ обо всемъ, какъ есть, рассказала. Боярышня за пальцы сѣла, поближе ихъ къ окошку подвинула, снова за вышиванье принялась. Сидитъ боярышня, шьетъ, а сама глазъ съ дороги не спускаетъ. Смотритъ, не ѣдетъ ли посланный изъ Москвы назадъ.

„А вдругъ да отказъ, а вдругъ да опять у себя въ терѣму праздники проводить...“ И отъ этихъ мыслей тревожныхъ у Марѳиньки даже яблочко наливное въ горлѣ застрѣваетъ. Похудѣла боярышня. Матушка и нянюшка, глядя на нее, только вздыхаютъ. А батюшка ужъ самъ въ Москву просится:

— Ну, васъ! Ужъ хоть бы ѣхать что ли поскорѣй,—говорить, а самъ думаетъ:

„А вдругъ да позабылъ Степанъ Матвѣевичъ кума своего, вдругъ да отказъ пришлетъ!“

Только на третій день вернулся посланный.

Вернулся обласканный, употчиванный. Въ горницу вошелъ, . .
образамъ помолился, низко поклонился хозяевамъ и говоритъ:

— Степанъ Матвѣевичъ и Агаѣя Ниловна низко кланяются вамъ, батюшка Филимонъ Спиридоновичъ, и вамъ, матушка Анна Карповна. Приказали они васъ съ дочкою вашей, Марѳой Филимоновной просить покорнѣйше праздникъ у нихъ отгостить. „Безъ кума любезнаго не будетъ у насъ въ дому веселья праздничнаго“, такъ говорили.

Сразу повеселѣлъ Филимонъ Спиридоновичъ, такъ ему захотѣлось послѣ привѣта ласковаго кума повидать.

— Собирайся въ путь дорогу, Анна Карповна! Лишняго не бери, а и того не забудь, что ударить намъ въ грязь передъ людьми не приходится.

Того только и дожидалась Анна Карповна. И опомниться не успѣли, какъ она въ мигъ единый весь домъ вверхъ дномъ поставила. Открывала Анна Карповна скрини, какъ колодець, глубокія, куски кожи водяной мыши, отъ моли и затѣли положенные, съ сундуковъ снимала. Много добра у Тугариныхъ было накоплено. Притомилась боярыня, его разбираючи, сѣнныхъ дѣвушекъ загоняла.

А Марѳинька, какъ услыхала, что въ Москву ѣдутъ, съ утра до ночи отъ зеркала не отходить. Все наряды примѣряетъ.

Много у нея и лѣтниковъ, и душегрѣй, и сарафановъ, и шубъ разныхъ. Всю свѣтлицу завалила нарядами Марѳинька. Всего не увезешь, а оставить жалко. Измучилась боярышня, рѣшавши, что съ собой брать.

Поглядѣлъ на сборы Филимонъ Спиридоновичъ и только рукой махнулъ.

— Раньше Василѣяго дня не поспѣемъ къ куму.

И правду сказалъ бояринъ. Первые дни Святोकъ еще дома застали Тугариныхъ. Уѣхали только на четвертый день.

Къ крыльцу на столбахъ точеныхъ подавали саней безъ